

УДК 347.632.4

Гражданские законы о положении внебрачных детей в первой половине XIX столетия

Черкашина Наталья Валерьевна, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Муромского института (филиала) Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, кандидат юридических наук, доцент
natasha8181@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена истории регулирования прав внебрачных детей по российскому законодательству первой половины XIX века, рассмотрено правовое положение внебрачных детей, их права и обязанности. **Ключевые слова:** незаконнорожденные, нищенствующие, воспитательный дом, призрение, попечение, опекунский совет.

Отечественное законодательство о незаконнорожденных к началу XIX столетия представляло из себя фрагменты указов, изданных в разное время и по разным случаям и соображениям. К несчастью для незаконнорожденных, унификация законов произошла в правление Николая I, который весьма строго относился к таким детям. С одной стороны, законодательство о внебрачных детях было во многом случайным, а с другой — неполным. И как результат, узаконение оказалось весьма строгим. По верному замечанию А. И.

Загоровского, «законодатель как бы хочет забыть о существовании незаконных детей и старается не касаться этого щекотливого вопроса» [1].

В царствование Александра I в проекте «Гражданского уложения» мы встречаем попытку открыть незаконнорожденным более широкий доступ к их естественным родителям, попытку возвести легитимацию через последующий брак в разряд общего закона.

Но этому, во многих отношениях замечательному проекту, не суждено было осуществ-

UDC 347.632.4

Civil laws on the situation of children born out of wedlock in the first half of the nineteenth century

Cherkasina Natal'ya Valer'evna, associate professor of the department of civil law disciplines of the Murom Institute (branch) of Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs, candidate of sciences (law), associate professor
natasha8181@mail.ru

Annotation: The article is devoted to the history of the regulation of the rights of illegitimate children under Russian law the first half of the XIX century, considered the legal position of illegitimate children, their rights and obligations. **Keywords:** illegitimate, begging, the educational house, prizrenie, care, tutorial council.

виться, он был сдан в архив, и с этого времени вопрос о легитимации больше не поднимался. Все, что сделал с тех пор закон — это возвел единоличные правила конца XVIII столетия в область общего закона, предоставив участь детей незаконного супруга, обманом или насилием вовлеченного в противозаконный брак, на усмотрение высшей власти.

Кроме развития наследственных и прав по состоянию внебрачных детей, отечественное законодательство знало и другие права (в том числе и ограничительные) для незаконнорожденных. В плане императрицы Марии Федоровны о воспитании незаконнорожден-

ных детей, кроме всего прочего, говорилось, что «воспитанников приказов общественного призрения из незаконнорожденных запрещается принимать в гражданскую службу с присвоением права на получение классных чинов, хотя бы они получили воспитание в гимназиях или в равных им учебных заведениях на счет приказов общественного призрения» [2]. А 20 декабря 1837 г. состоялось мнение Государственного Совета о воспрещении принимать на гражданскую службу «из незаконнорожденных или неизвестного происхождения детей», находящихся в ведении Приказов общественного призрения.

И в тоже время разрешалось находившихся в учебных заведениях Приказов окончить положенный курс обучения и по их желанию вступить на службу по прежним правилам [3].

Бесправное положение внебрачных детей с особенной резкостью был сформулирован в ст. 136 Гражданских законов: «Незаконные дети, хотя они и были воспитаны теми, которые именуются их родителями, не имеют права на имя фамилии отца и законное после него или после матери своей в имуществе наследство» [4].

Что касается сословного положения ребенка, рожденного вне брака, то в податных классах причисление незаконнорожденного к тому или другому разряду податных лиц зависело не от сословного положения матери, а от воли или его воспитателей, или же их самих по достижению совершеннолетия. Ст. 418 Устава о податях гласила: «Незаконнорожденные, подкидыши и непомнящие родства, по достижении совершеннолетия, могут оставаться в том звании, в какое приписаны воспитателями или же избрать, по собственному усмотрению, другое звание» [5].

Право незаконнорожденных детей требовать содержание от своего отца было закреплено Сводом законов Российской империи в издании 1835 года. Ст. 669 гласила: «если холостой человек пребудет с незамужнею, и она от него родит, то он обязан, по возможности и состоянию своему, обеспечить содержание матери и младенца; сверх того, подвергается тюремному заключению и церковному покаянию; от сего наказания он избавляется в таком только случае, если на ней жениться» [6].

В 1836 году было постановлено в виде общего правила: участь детей невинного мужа или невинной жены, обманом вовлеченных в противозаконный брак, может быть передаваема, по усмотрению обстоятельств дела, монаршему милосердию [6]. Впоследствии это правило было распространено и на случаи вовлечения в брак насильем.

В ст. 1289 Уложения о наказаниях 1845 года последовало изменение этого положения в двояком отношении: исключалось признание к тюремному заключению и отнято у виновного право женитьбою на соучастнице преступления избавиться от наказания. В качестве наказания осталось только церковное покаяние, и то лишь для лиц, принадлежащих к христианским конфессиям, и обязанность обеспечить содержанием мать и младенца.

В законодательстве и литературе в отношении незаконнорожденных продолжали существовать самые разнообразные мнения: «кого считать незаконнорожденными и в какие отношения должно поставить незаконнорожденного к его естественным родителям, к обществу и государству, и какие меры должно принять общество и государство для обеспечения его участи, в случае, если они покинуты своими родителями» [7].

Другой современник, скрывший свое имя под псевдонимом А. И., полагал: по примеру других стран Европы можно было бы и в России «ясно и точно выразить в законе..., что незаконность рождения сама по себе не имеет никакого влияния на общую правоспособность незаконнорожденного» [8].

Согласно ст. 132 (Законов гражданских, издания 1842 года) незаконнорожденные не имели право ни на фамилию отца (кстати, незаконнорожденные не имели права носить и ее имя), ни на законное после него в имуществе наследство. Это было преобразовано в ст. 136 Законов гражданских, издания 1857 года, где уже речь шла, что незаконнорожденные «не имеют право на имя и фамилию отца и законное после него или после матери своей в имуществе наследство». Причем, делалась ссылка на указ 6 марта 1800 года, хотя в нем не содержалось никаких ограничений или даже узаконений относительно наследования незаконнорожденных в имуществе их матери [9].

Со вступлением на престол Александра II в юридическом положении незаконнорожденных детей наступила перемена к лучшему. После издания Устава о воинских повинностях 1874 г., Государственный Совет 4 октября 1875 г. пояснил относительно льгот по отбыванию воинской повинности, что незаконнорожденные дети приравниваются к законнорожденным [9].

Увеличение количества незаконнорожденных стало приобретать политико-криминальную окраску. В 1880 г. Государственный Совет признал: «Между родителями и детьми, хотя бы прижитыми в незаконном сожитии, существует тесная связь; самый факт прижития ребенка возлагает на каждого важные обязательства, незаконнорожденные, не имея семьи и родного крова и сохраняя на всю жизнь неизгладимое пятно своего происхождения, должны с особою силою чувствовать

всю горечь отчужденного от всех положения своего, нисколько ими самими незаслуженного. Тягость своею участью, они естественно способны умножить число недовольных существующим общественным строем, а, следовательно, и правительством» [10].

Действительно, неудовлетворительные условия воспитания и менее обеспеченное экономическое положение незаконнорожденных, толкали их в преступную среду. По утверждению дореволюционного исследователя И. И. Янжула, «3/4 незаконнорожденных с колыбели обречены на смерть, и из оставшейся четверти одна десятая предназначена для каторги и только остальные девять десятых завоевывают себе право на какую-либо жизнь» [11].

Значительной законодательной вехой в правовом положении незаконнорожденных детей стал закон 12 марта 1891 года, который облегчил узаконение и усыновление внебрачных детей [12]. Было отменено правило 1836 года, когда участь незаконнорожденных решалась императорским милосердием. Теперь это право относительно детей, родившихся от недействительных браков и совершенных с записью в метрические книги, предоставлялось суду, причем, независимо от такого ходатайства, на родителей возлагалась обязанность предоставлять пропитание и воспитание таким детям (ст. ст. 133 и 172 части 1 т. X Гражданских законов).

При проектировании улучшение участи незаконнорожденных детей, редакционная комиссия по составлению Гражданского уложения посчитало, что было бы несправедливо оста-

вить прежнее состояние детей, появившихся на свет от недействительного брака. Они происходили от брака, повенчанного по чиноположению церкви, записанного в метрические книги и признавшегося законным во время рождения или зачатия детей. Недействительность брака, совершенного законным порядком, могла быть установлена только по решению суда, так что как супруги, так и дети до постановления суда о недействительности брака пользовались всеми правами, вытекавшими из законного брака [13].

Закон 1891 года даровал права законнорожденности детям, родившихся от всех недействительных браков, каков бы род этой недействительности ни был и притом независимо от добросовестности или недобросовестности родителей, проявленной ими при заключении брака.

Следует отметить, что в данном случае, российский закон пошел дальше большинства западноевропейских законодательств, придававшим важное значение добросовестности или отсутствию ее при решении вопроса о законнорожденности или незаконнорожденности детей.

Что касается прав и обязанностей детей, вытекающих из родительской власти над ними, то данный вопрос находился в зависимости от того, кому из родителей будет представлена эта власть. Дело в том, недействительный брак не образовывал семьи. Напротив, лица, которых брак надлежащим духовным судом будет признан незаконным и недействительным, немедленно по сношению епархиального начальства с местным граж-

данским руководством, разлучались от дальнейшего сожития (ст. 38).

Родительская власть над детьми от недействительных браков могла перейти от того родителя, которому она предоставлена, к другому — в случае смерти, лишения родительской власти или невозможности осуществления им этой власти (например, вследствие объявления сумасшедшего). Впрочем, опекуновское установление, если признает нужным для благо детей, может, не передавая родительской власти другому родителю, назначает малолетнему опекуна (ст. 1316).

По мнению одного из дореволюционных исследователей, закон 12 марта 1891 года вполне отвечал современным требованиям «справедливости и признанной нашим обществом потребности упрочить правовое положение» внебрачных детей [14].

Другой же современник отмечал, что закон по-прежнему был «неумолимо формален, и поэтому требует нередко полного нарушения нравственного смысла семьи». Современники также отмечали, что «наше законодательство много бы выиграло в своем достоинстве, сравнительно с другими, если бы оно, например, совершенно упразднило кличку «незаконнорожденных», позорящую целый век людей, совершенно неповинных» [11].

3 июня 1902 г. выходит еще один закон, касающийся положения незаконнорожденных или по новейшей терминологии — внебрачных детей. Современник отмечал, что «до последнего времени постановления нашего законодательства о незаконных детях отличались крайнею суровостью, далеко отставая

и от требований справедливости, и от взглядов общества» [15]. В особенности это касалось детей, появившихся на свет в результате прелюбодеяния.

Наиболее радикально новый закон разрешил вопрос о положении детей, происшедших от браков, признанных недействительными. Все такие дети были наделены правами законнорожденных детей, независимо от того, было ли вступление в брак одного или даже обоих родителей добросовестно или недобросовестно. Вопрос о том, у кого должны находиться дети до своего совершеннолетия, разрешалось либо соглашением родителей, либо, в случае его отсутствия, определением опекунского установления. В случае смерти родителя, у которого были оставлены дети, равно как лишения его родительской власти или невозможности осуществления им этой власти, дети поступали под власть другого родителя, если опекунское установление не признавало нужным, ради благо детей, назначить им особого опекуна.

В издержках на содержание детей участвовали оба родителя, сообразно своим средствам. Однако неразрешенным оставался вопрос об обязанностях детей, рожденных вне брака, по отношению к своим родителям.

Новый закон определял следующую категорию внебрачных детей: «1) рожденные незамужнею; 2) происшедшие от прелюбодеяния и 3) рожденные по смерти мужа матери, или по расторжении брака разводом, или же после признания брака недействительным, когда со дня смерти мужа матери, или расторжения брака, или же признания его не-

действительным до дня рождения ребенка протекло более трехсот шести дней».

Ряд статей были посвящены улучшению участи детей этих категорий, внося серьезные поправки в прежние законы. В результате таких поправок положение рожденных вне брака детей во многих отношениях значительно улучшилось.

Ценным преимуществом нового закона являлось то, что все внебрачные дети обладали правом требовать содержания от отца, причем это требование, как и аналогичные требования матери внебрачного ребенка, осуществлялось в порядке гражданского процесса. Статья же 994 Уложения о наказаниях, устанавливающая для подобных исков уголовный процесс и каравшая незаконное сожитие неженатого с незамужней, новым законом отменялась.

Гораздо менее решительности было проявлено в определении наследственных прав внебрачного ребенка, за которым не признавались права наследования ни в имуществе отца и его родственников, ни в имуществе родственников матери, ни, наконец, в родовом имении матери. Они наследовали лишь в благоприобретенном имуществе матери, но и то с неточным отличием от законных детей, которое заключалось в том, что «наследственное имущество матери, не имеющей законных сыновей, но имеющей лишь законных дочерей, делится между сими последними и внебрачными детьми по равным между всеми сонаследниками долями». Закон как будто не хотел допустить, чтобы внебрачный ребенок при каких бы то ни было

обстоятельствах, мог получить в наследстве большую долю, чем рожденный в браке.

Наконец, внебрачные дети получили право наследования друг после друга. Вопрос этот разрешался ст. 13214: «После внебрачных детей, не оставивших призываемых к наследованию нисходящих, наследуют другие происшедшие от одной с ними матери внебрачные дети и законные их нисходящие». Данное правило должно применяться ко всякому имуществу, оставшемуся после внебрачных, т. е. как к имуществу, приобретенному самими внебрачными детьми, так и к тому, которое досталось им после матери. Следовательно, имущество внебрачного сына, прежде всего, должно переходить к его законным детям; внебрачные его дети на это имущественного права не могли, так как по ст. 13212 за внебрачными признавалось право на наследование материнского, а не отцовского имущества.

После внебрачной дочери могли наследовать и законные и незаконнорожденные ее дети, на основаниях, изложенных в той же 13212 статье.

Но если внебрачные сын или дочь умирали бездетными; тогда к наследованию должны быть призываемы братья умершего или законные нисходящие последних, а при отсутствии таковых — внебрачные сестры. И в этом случае должно применяться то общее правило, в силу которого в боковых линиях сестры при братьях не наследницы (ст. 1135 ч. 1. т. X Законов гражданских).

Правительствующий сенат в 1905 году разъяснил, что «законные сыновья внебрач-

ных детей устраняют своих родных сестер от наследования в боковых линиях после безплатно умерших внебрачных сестер и братьев своей матери» [16].

Термин «незаконнорожденный» или «внебрачный», закрепившийся в праве, по меткому замечанию одного из современников, «дает представление о чем-то противном законам природы, как будто этот человек родился не так, как все другие люди, как будто он составляет какую-то аномалию в природе». Кроме того, эти слова наводят на «представление о каком-то противозаконном деянии, о каком-то преступлении самого субъекта» Кстати, писал анонимный автор, императрица Мария Федоровна, много посвятившая проблеме призрения внебрачных детей, никогда не упоминала это слово, заменив его несчастно-рожденный. Но и это название, по его мнению, «слишком печально для носящего его», предлагая ввести в оборот заимствованное из Франции определение таких детей — круглый сирота [17].

Такая двойственность в воззрениях русского народа к незаконнорожденным детям не могла не отразиться и на объеме их прав. Однако, вопреки воззрению законодательства, по которому вступлением родителей незаконнорожденного в брак не прекращались для таких детей неблагоприятные последствия их рождения, и они продолжали считаться незаконными детьми, вплоть до узаконения их судом, в воззрении русского крестьянского населения жило убеждение, что незаконнорожденные дети перестают быть таковыми с момента брака их родителей.

После брака не делается различия между законными и незаконными детьми. Недаром существовала поговорка «поп все покроит».

Что же касается незаконнорожденных детей, родители которых не вступили в брак, то по народным воззрениям они должны носить имя матери («нет отца, так зови по матери», говорила пословица). Вообще, относительно личных прав незаконнорожденных в крестьянской среде, этот вопрос имел для сельского сословия менее острый характер, нежели в привилегированном сословии, а потому разрешался гораздо проще. Незаконнорожденные крестьянского сословия всегда принадлежали или к сельскому, или к мещанскому сословию (смотря по приписке). Это было подкреплено и решением Сената от 11 июня 1885 г., по которому «незаконнорожденные считаются членами тех обществ, к которым принадлежали их матери во время рождения детей» [18]. В некоторых местах Орловской губернии незаконнорожденные пользовались личными правами, однако, ограничиваясь в правах наследства и на пользование мирской надельной землей.

Такие же ограничения права на земельный надел для незаконнорожденных замечались в Бессарабской, Витебской, Ковенской, Костромской, Нижегородской, Олонецкой, Симбирской, Тверской губерниях.

Но была целая группа губерний (Виленская, Вологодская, Гродненская, Екатеринославская, Рязанская), где незаконнорожденные не пользовались никакими правами. Положение таких детей характеризует Екатеринославское Губернское совещание: «незаконно-

рожденные находятся в самом безотрадном положении. Крестьянское общество вопреки закону, ограждающему личность и материальные права незаконнорожденных, в большинстве случаев отказывается в причислении их к обществу, опасаясь требования наделения землей и ссылаясь на то, что приписка к обществу может состояться по распоряжению казенных палат и без согласия общества» [19]. По подсчетам С. Бородаевского, таких экономически необеспеченных внебрачных детей в России конца XIX столетия достигало 108 тысяч [18].

По данным Государственных Совещаний наследственные права незаконных детей были разными по губерниям: в одних они пользовались всеми правами без всяких ограничений; в других — только в имуществе матери. Что касается наследования в имуществе двора, то и здесь не было унификации: в одних губерниях это право предоставлялось лишь в случае усыновления; в других — при отсутствии законных детей; в-третьих, — при наличии родных или законнорожденных детей — ничего не получали.

Несмотря на разнообразие народного воззрения на незаконных детей, тем не менее, среди народа практиковались разумные и гуманные средства неизвестные нашим гражданским законам: 1) признание — признанный проживал обыкновенно в доме отца и получал от него содержание; 2) усыновление — усыновленный имел более широкие права нежели признанный, получая права родных детей усыновителя; 3) узаконение через последующий брак — внебрачные дети, по вступлении

их родителей в брак, приобретали все права законных детей.

Таким образом, русские гражданские законы отличались крайним казуистическим характером. Изданные большей частью по поводу отдельных случаев, они содержали в себе мало общих положений, под которые могли бы быть подведены разнообразия явления жизни, касающиеся положения внебрачных детей первой половины XIX столетия.

Примечания

1. Загоровский А. И. О незаконнорожденных по иностранному гражданскому кодексу и русскому гражданскому праву // Журнал министерства юстиции. 1898. N 5. С. 22.
2. Высочайше утвержденное положение Комитета Министров «Об искоренении нищенства в здешней столице» от 6 июля 1837 г. // ПСЗ II. Т. 13. N 10425.
3. Высочайшее утвержденное мнение государственного совета «О восприимчивости в гражданскую службу воспитанников из незаконнорожденных или неизвестного происхождения детей, находящихся в ведении Приказов Общественного Призрения» от 20 декабря 1837г. // ПСЗ II. Т. 12. N 10816.
4. Сенатор А. Г. Гасман Внебрачные дети на западных окраинах и в Империи. Петроград: Сенатская типография, 1914 // Журнал Министерства Юстиции. 1914. Май, июнь и октябрь. С. 10. URL: www.pseudology.org.
5. Загоровский А. О незаконных детях по русскому законодательству // Вестник Европы. 1882. Т. 94. Кн. 2. С. 380–381.
6. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О мерах к предупреждению многобрачия» от 18 ноября 1836 г. // ПСЗ II. Т. 11. N 9713.
7. Странник. 1875. Июнь. С. 162.
8. А. И. Вопрос о незаконнорожденных. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1875. С. 75.
9. Указ его императорского величества самодержца всероссийского «О рассылке указа Павла I от 6 марта 1800 года о ненаследовании незаконнорожденным детям, кои не будут даровано полного фамильного права, в родовых имениях после родственников с отцовской стороны». Из Правительствующего Сената. Электронный фонд Российской Национальной Библиотеки. URL: www.leb.nlrg.ru.
10. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об изменении, дополнении и разъяснении некоторых статей Устава о воинской повинности» от 4 октября 1875 г. // ПСЗ II. Т. 50. N 55119.
11. Розанов В. В. Семейный вопрос в России. Т. 2. Гл. LXIII Из откликов печати и частных лиц. Разд. 2 // Русская мысль. 1898. Кн. II. С. 186, 188. URL: www.dugward.ru.
12. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О детях узаконенных и усыновленных» от 12 марта 1891 г. // ПСЗ III. Т. 11. N 7525.
13. Загоровский А. И. Курс семейного права. Харьков, 1902. С. 271. URL: www.pravo.vuzlib.org.

14. Ананьев П. А. Право внебрачных детей на узаконение их по закону 12 марта 1891 года // Журнал Министерства юстиции. 1900. Декабрь. С. 90.

15. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об утверждении правил об улучшении положения незаконнорожденных детей» от 3 июня 1902 г. // ПСЗ III. Т. 22. N 21566.

16. Тютрюмов И. М. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. Книга первая. Решение Гражданского кассационного департамента. 1905. N 24. Классика российского права: проект компании «КонсультантПлюс» при поддержке издательства «Статут» и Юридической научной библиотеки издательства «Спарк». URL: www.civil.consultant.ru.

17. А. И. Вопрос об улучшении судьбы незаконнорожденных // Вестник Европы. 1874. Кн. 10. С. 812.

18. Бородаевский С. Незаконнорожденные в крестьянской среде // Русское богатство. 1898. N 10. С. 240.

19. Свод заключений губернских совещаний по вопросам, относящимся к пересмотру законодательства о крестьянах. СПб., 1897. Т. II. Семейные разделы. С. 57, 75, 88; Т. III. Опекa. С. 307.